

— Так разве Секта Пустой Долины не способна вернуть к жизни мертвеца? — с вызовом переспросила Хань Шу.

— Это совсем другое, Нуэр — живой человек, — в голосе Жун Чжияня пробивалось немалое раздражение.

— В моих глазах она уже мертва, — бросила Хань Шу.

— Да ты?! — Жун Чжиянь подумал, что Хань Шу просто намеренно пререкается с ним и скрывает способ спасения. Вековая вражда передавалась из поколения в поколение, и каждого наследника учили одному: с противником нельзя вести себя мягко, нужно непременно создавать яды, от которых у тех нет противоядия, и выводить смертоносные гу. Стоило им встретиться — и живым оставался только один.

Однако среди всех прошлых глав Секты Пустой Долины Жун Чжиянь был самым добросердечным. Даже столкнувшись со злейшим врагом Хань Шу, он просто не мог остаться в стороне, когда на кону стояла человеческая жизнь. Но теперь выходило, что он лишь растратил свои добрые порывы и впустую извёл редкие травы.

— Что значит «она уже мертва»? — спросил Лу Сяо. В отличие от Жун Чжияня, который считал, что Хань Шу просто упрямится и чинит препятствия, Лу Сяо чувствовал: в этом деле кроется какой-то подвох.

— Она была обречена в тот самый момент, когда в её теле пробудились черви гу, — пояснила Хань Шу. — Зовутся они «живо-мертвыми червями», и само название говорит за себя: живо-мертвые, живо-мертвые... Один оживает — другой неминуемо погибает.

Лу Сяо нахмурился:

— Разве в Секте Сюаньсу нет способа сдержать их?

— Раньше был. По крайней мере, при жизни моего наставника ещё оставался, но теперь — нет.

Хань Шу двумя пальцами повертела приглашение, всем своим видом показывая крайнее равнодушие. В глазах Жун Чжияня это выглядело так, будто человеческая жизнь для неё вообще ничего не стоит. Юноша так разозлился, что его аж затрясло, и он тут же вихрем вылетел из зала совещаний, решив искать выход самостоятельно.

Се Мо переглянулся со старшим братом и последовал за ним.

— А в Секте Сюаньсу водятся эти живо-мертвые черви? — глядя вслед уходящему Се Мо, снова спросил Лу Сяо. — Связано ли это нападение с тем, что произошло с тобой ранее?

Хань Шу не могла не отдать должное проницательности Лу Сяо. Ничуть не смущаясь присутствия Хуа Яньэр, она принялась рассказывать всё по порядку:

— По меньшей мере сто лет живо-мертвые черви нигде не появлялись.

— И вдруг объявились сейчас? — Хуа Яньэр тоже мгновенно уловила суть. — Они что, целенаправленно бьют по Секте Сюаньсу?

Хань Шу не стала ни подтверждать, ни опровергать её слова, а лишь продолжила:

— Не стану скрывать от главы Лу: я сама желаю смерти этой девчонке. Если позволить живо-мертвому червю выбраться наружу живым, любой, кого он укусит, умрет меньше чем за время, необходимое для заваривания чая.

— Но сейчас невозможно предугадать, сколько еще людей заражено точно так же, как Нуэр. Уничтожение одной лишь Нуэр не обеспечит безопасность Наньцзяна.

— Нет, на данный момент Нуэр — единственная, — с абсолютной уверенностью заявила Хань Шу. — Условия для выживания живо-мертвого червя невероятно суровы: пробудиться и выжить он может исключительно в теле юной девушки. До того как проникнуть в человека, он дремлет в месте, именуемом Бездной Бессмертия, и у него нет иных истоков.

Тонкие брови на одухотворенном лице Лу Сяо чуть сошлись на переносице:

— Что значит — нет иных истоков?

— Это значит, что никому не ведомо, откуда он берется. Он возникает внезапно, а не попав в человеческое тело, не способен даже откладывать яйца — погибает за три-пять дней, а то и за сутки-двое. Но за последнее столетие в Бездне Бессмертия эту тварь больше не встречали, и понятия не имею, откуда они повылазили сейчас.

Хань Шу отложила приглашение в сторону:

— Глава Лу, похоже, помимо Секты Яньмэн, кто-то нацелился и на Секту Сюаньсу.

— То, что ты только что сказала об отсутствии лекарства — правда или ложь? — спросил Лу Сяо. Он никак не мог бросить живого человека в беде и остаться в стороне.

— Способ есть, — ответила Хань Шу.

— Правда есть? Какой же? — первой выпалила Хуа Яньэр. Будучи женщиной и руководя

тысячами учениц, она просто не могла вынести вид страдающей и униженной девушки.

— Пересадить живо-мертвого червя из тела Нуэр в тело ее матери, — холодно бросила Хань Шу.

— То есть жизнь за жизнь? — лицо Хуа Яньэр исказилось от отвращения.

— Именно так, жизнь за жизнь, — подтвердила Хань Шу.

— Но прежний глава не упоминал об этом методе, — заметил Лу Сяо.

— Разумеется. Тот глава давно считал живо-мертвых червей окончательно вымершими и даже не подумал сохранить способ исцеления. Судя по всему, этот метод вряд ли отличается особой гуманностью, — пожала плечами Хань Шу.

Давным-давно исчезнувшие живо-мертвые черви вернулись вновь и объявились прямо у нее под носом — если она не нанесет ответный удар, то грош цена ее человеческому имени.

Се Мо промолвил:

— Ну-ка, накидайте мне побольше лайков и добавлений в закладки, чтобы я уже наконец вышел на сцену, ура!

025

— Братец Янь, тебе не кажется, что в последнее время ты слишком уж предвзято относишься к Хань Шу? — Се Мо вроде бы собирался смягчить обстановку, но едва открыл рот, как лишь подлил масла в огонь.

— Это кто к кому предвзято относится? — Жун Чжиянь остановился как раз возле покоев Нуэр. — Ты можешь оставаться равнодушным, глядя, как эта Хань Шу ни в грош не ставит человеческую жизнь?

— Разве она не всегда была такой? — Се Мо с полуулыбкой посмотрел на Жун Чжияня. — Глава Секты Сюаньсу Хань Шу — коварная, жестокая, переменчивая и бессердечная особа, об этом знает весь белый свет. Ты разве не в курсе?

— Да ты?! — от злости Жун Чжиянь едва держался на ногах.

— Что я? — Се Мо хлопнул Жун Чжияня по плечу. — Я говорю чистую правду. Спроси у любого — кто не знает, насколько ядовит и безжалостен глава Секты Сюаньсу? Какие ты вообще

питаешь на ее счет иллюзии?

Жун Чжиянь прислушался к себе и вдруг понял, что эти слова не так уж сильно и режут ему слух:

— Хань Шу и впрямь моя заклятый враг, но называть ее ядовитой... не слишком ли?

Се Мо тихонько усмехнулся про себя, а на лице изобразил сама серьезность:

— Если она ни во что не ставит человеческую жизнь, разве это не ядовито? Разве не ты сам только что возмущался ее черствостью и бездушием?

Жун Чжиянь сердито зыркнул на Се Мо, резко взмахнул рукавом, отвернулся и принялся барабанить в дверь. А Се Мо за его спиной сдавленно прыснул со смеху. Надо же, как забавно наблюдать за тем, как кто-то хорохорится! Их заклятая неприятельница уже не казалась абсолютным врагом, и если многовековую вражду действительно удастся свести на нет разом — пожалуй, это было бы неплохо.

Как только дверь отворилась изнутри, Се Мо мгновенно сбросил улыбку с лица и шагнул вперед, впрочем, остановившись прямо на пороге.

— Глава долины Жун.

— Мо-гунцзы.

Дверь отперла ученица Секты Сюаньсу. Нуэр по-прежнему находилась в глубоком сне, и за ней требовалось присматривать по очереди, зорко следя за ее состоянием.

У Жун Чжияня не было привычки срывать злость на окружающих, а потому с девушкой он заговорил мягко и спокойно:

— Нуэр всё еще спит?

Ученица кивнула:

— Да, за последние три часа она так и не приходила в себя.

Кончик пальца Жун Чжияня метнул золотую нить. Та обвилась вокруг тощего запястья Нуэр, сделала три оборота и надежно зафиксировалась. В комнате воцарилась абсолютная тишина. Жун Чжиянь чуть шевельнул пальцем, вливая в золотую нить тончайшую, струящуюся духовную силу. Нить едва заметно завибрировала, прислушиваясь к тому, что творится внутри

тела девочки.

Два червя затаились по обе стороны, поминутно угрожая друг другу. Если бы не усыпляющее действие лекарства, Нуэр вряд ли смогла бы выдержать этот натиск.

Лишь когда Жун Чжиянь убрал золотую нить, Се Мо поинтересовался:

— Ну как?

Жун Чжиянь покачал головой:

— Эти черви погрузились в сон, но вместо ослабления получили передышку и теперь лишь накапливают силы. А вот для Нуэр всё ровно наоборот: она крошки во рту не держала, а из-за того, что черви так долго терзали ее плоть, жизненные силы иссякли до предела. Стоит живым червям очнуться, и у нее не останется ни единого шанса на спасение.

— Пойду распоряжусь, чтобы им с матерью позволили увидеться, — произнес Се Мо. — Быть может, у ее мамы найдется какой-то неведомый нам способ. В конце концов, она ее родная мать, не станет же она сидеть сложа руки и смотреть, как та умирает.

— Если бы ей было хоть капельку жаль дочь, стала бы она растить в ее теле гу? — с вызовом бросил Жун Чжиянь. — Вместо того чтобы уповать на эту бесчувственную с виду женщину, я лучше сам еще поломаю голову над тем, как продлить Нуэр жизнь. Или как усыпить червей насовсем, попутно приведя девчонку в сознание.

— Даже если она сделала это нарочно, то наверняка ради какой-то выгоды. Но теперь девочка при смерти, а черви все еще у нее внутри — неужели они не встревожатся? — Се Мо прислонился плечом к косяку двери и посмотрел на лежащую на постели пациентку. Кожа ее приобрела землисто-желтый оттенок, а дыхание жизни угасало с каждой минутой. Одно лишь беглый взгляд на нее давал понять, что дни ее сочтены, и, возможно, ей оставалось жить всего несколько часов.

Се Мо развернулся и вышел за дверь, намереваясь отыскать старшего брата. Издалека он заметил Хуа Яньэр, которая крутилась подле Лу Сяо. Ее зеленое шелковое платье покачивалось на ветру, на губах играла милая улыбка, и она щебетала о какой-то пустяковой чепухе:

— Глава Лу, Секта Яньмэн перед вами в неоплатном долгу. Ради спасения нашей обители вы преодолели тысячи ли и прибыли в Наньцзян, я...

— Глава Хуа, дело о зловещих гу касается судеб всего мира, так что мой старший брат, разумеется, не мог оставаться в стороне. Он помогает вовсе не из желания услужить одной лишь Секте Яньмэн, — лучезарно улыбаясь, Се Мо подошел ближе. Эта ослепительная улыбка

в один миг рассыпала на кусочки всю тщательно выстроенную Хуа Яньэр речь.

— Мо-гунцзы.

— Интересно, когда глава Хуа планирует возвращаться в Секту Яньмэн? В последнее время у вас наверняка полно хлопот, и задерживаться здесь дольше положенного, пожалуй, не стоит.

Столь прямолинейное изгнание было сформулировано слишком уж прозрачно — даже глупец понял бы намек. Лу Сяо бросил на Се Мо взгляд, в глубине которого мелькнуло неодобрение.

Се Мо продолжал улыбаться, делая вид, будто ничего не заметил. На улыбчивое лицо кулак не опускают, а поскольку Хуа Яньэр отличалась безупречной репутацией, благородным нравом и изысканными манерами, она, разумеется, не стала бы открыто вступать с ним в перепалку. Се Мо же был только рад такому исходу: если получится заставить ее уйти без лишних скандалов — лучше и придумать нельзя.

Успешно спровадив незваную гостью, Се Мо с облегчением потянулся и шумно выдохнул. Но вечно выпроваживать людей было утомительно — следовало придумать способ раз и навсегда избавиться от этой назойливости.

— У тебя что, зуб на главу Хуа? — Лу Сяо было бы странно не заметить столь частые выпады со стороны Се Мо. Вот только он никак не мог взять в толк, какая кошка между ними пробежала. Се Мо в целом избегал тесных контактов с остальными пятью сектами — если не считать давних визитов в долину Жун к Жун Чжияню, со всеми остальными он поддерживал лишь поверхностное знакомство. С чего бы ему так упорно демонстрировать неприязнь именно к Хуа Яньэр?

— Никакого зуба. Но было бы куда лучше, если бы она не маячила перед твоими глазами, — ответил Се Мо. — Старший брат, тебе ведь тоже надоело, что она вечно трется рядом?

Лу Сяо ответил:

— Нормально.

— Как это — нормально?! Мужчина и женщина не должны соприкасаться рукавами при передаче вещей, а она вечно вертится под боком! Братец, если пойдут какие-нибудь грязные слухи, это бросит тень и на тебя, и на главу Хуа! — лицо Се Мо вмиг сделалось невероятно серьезным. — Я ведь и о ее добром имени пекусь! Она женщина, мы не смеем портить ей репутацию. Старший брат, в следующий раз, увидев ее, сам держись от греха подальше.

Се Мо покосился на невозмутимого Лу Сяо, и его маска крайнего беспокойства чуть было не треснула. Он воображал всё что угодно, но и мысли не допускал, что старший брат и вправду может испытывать к Хуа Яньэр какие-то чувства.

— Старший брат, неужели ты и впрямь... к Хуа Яньэр?

— Не болтай глупостей, — оборвал его Лу Сяо.

Се Мо с облегчением выдохнул, но выражение его лица показалось Лу Сяо довольно забавным:

— О чем ты целыми днями только думаешь?

— Хочешь, чтобы я не думал о всякой чепухе — держись от нее подальше, — Се Мо подошел вплотную и прижался к плечу Лу Сяо. — Братец, меня ведь хлебом не корми — дай о чем-нибудь поразмыслить. Так что изволь нести за меня ответственность.

— Кто только что разглагольствовал о том, что это испортит человеку репутацию? Раз понимаешь, почему не заткнешься? — с укоризной произнес Лу Сяо. — В следующий раз еще раз посмеешь проявить неуважение к главе Хуа — спуску не дам.

— Пока она за тобой не увязывается — и я пальцем ее не трону. Но стоит ей снова прилипнуть — тут уж я за себя не ручаюсь, — Се Мо всем телом прильнул к Лу Сяо. — Старший брат, я устал. Неси меня на спине, пойдем домой.

Лу Сяо окинул Се Мо критическим взглядом с головы до ног, протянул руку и слегка оттолкнул:

— Сам топай.

— Братец, как ты можешь меня не жалеть? — Се Мо скривил губы, и в уголках его глаз затеплилось неподдельное обиженное сиротство. — Знал бы, остался дежурить у защитного массива, по крайней мере, там ты бы о мне заботился.

Во внешних уголках глаз Лу Сяо мелькнула суровая искра:

— Баловство!

Се Мо не сдвинулся с места и продолжал смотреть на Лу Сяо таким жалостливым взглядом, пока тот окончательно не сплеховал перед этими просительными глазами.

— Залезай.

Се Мо мгновенно сменил гнев на милость, радостно подбежал со спины и запрыгнул Лу Сяо на плечи. По правде говоря, за столько лет это был первый раз, когда Се Мо забрался к нему на спину. Исключительно довольный собой, он обвился руками вокруг шеи Лу Сяо:

— Братец, только не взлетай, давай пройдемся пешком не спеша.

Мочки ушей Лу Сяо покраснели донельзя, и он, разумеется, не стал слушать Се Мо: взмыв в воздух, в два-три прыжка добрался до их жилых покоев и тут же ссадил нагнльщика:

— Стоишь прямо.

Се Мо послушно вытянулся по струнке, а уголки его губ взметнулись к самым глазам:

— Братец, твоя спина всё такая же удобная, совсем как в детстве.

Лу Сяо залился краской, но постарался придать лицу еще более суровое выражение:

— Как там дела у госпожи Нуэр?

— Ой, забыл! Я же за этим и пришел — она совсем плоха.

— И такое ты умудряешься забыть? — отчитал его Лу Сяо, впрочем, глядя на эту физиономию, долго сердиться он просто не умел. — Что сказал глава долины Жун?

— Ничего утешительного, — ответил Се Мо. — Черви полностью подчинили ее тело. Теперь остается уповать лишь на ее мать или на того загадочного мужчину. Раз им так нужны эти живые твари, какую-то информацию из них вытянуть удастся.

Оба вошли в комнату, где под замком держали пленницу. После принятого лекарства женщина едва могла двигаться, разве что ела и отвечала на вопросы. Завидев Се Мо и Лу Сяо, она тут же окинула их лютым взглядом:

— Вы кто такие?! Чего вам надо?

Се Мо подошел к ней, легко усмехнулся и неторопливо выронил три слова. И тут же заметил, как лицо женщины исказилось от изумления и панического ужаса.

Се Мо назвал живо-мертвых червей. Сто лет назад те сгинули без следа, Секта Сюаньсу наложила на них строжайший запрет, и вот теперь они возродились вновь, причем подброшенные в человеческое тело — в Наньцзяне за такое полагалась неминуемая смерть.

— Вспомнила что-нибудь? — Се Мо пнул скамью, пододвинул ее к себе, уселся и с напускным безразличием уставился на пленницу. — У меня не так много терпения. Ты ведь уже угощала нас двумя пиалами воды с ядом, так что самое время свести дебет с кредитом.

Женщина опешила, побледнев до синевы. Лицо ее выражало смесь ужаса и обреченности — она горько пожалела, что тогда не применила смертоносный с первой же секунды порошок гу, и что не удостоверилась лично, выпили ли те зелье.

— ...Чего вы добиваетесь?

— Да всего лишь переселить живо-мертвых червей из тела Нуэр в твое собственное. Отдать свою жизнь в обмен на жизнь дочери — ты ведь не против, верно? — расплывшись в искренней, но от того не менее жуткой улыбке, проворковал Се Мо со своим ангельским лицом, в котором непостижимым образом сочетались свет и тьма.

— Нет-нет-нет-нет! — завопила женщина. — Не хочу! Я не согласна! Я не хочу умирать! Не хочу!

Се Мо понизил голос, придав лицу злое выражение:

— Но ведь это твоя родная плоть и кровь. Неужели тебе не хочется ее спасти?

— Нет-нет! Она мне не дочь! Ее привел человек в маске! Она ко мне никакого отношения не имеет, я не стану ее спасать! — живо-мертвые черви окончательно лишили женщину рассудка от страха, подтверждая, что она прекрасно осведомлена об их природе. Вот только Се Мо и Лу Сяо никак не ожидали столкнуться с такой неожиданной зацепкой.

Человек в маске? Неужели тот самый, с которым они уже сталкивались?

026 (Начало обратной публикации глав)

— Что за маска была на нем? — спокойный голос Лу Сяо перекрыл визг обезумевшей от страха женщины.

— ...Я не знаю, я ничего не знаю, ничего не знаю! — женщина металась, словно потеряв рассудок, ее глаза бегали, а взгляд расфокусировался, после чего она принялась бормотать себе под нос: — Я правда ничего не знаю...

— Не знаешь? — Се Мо легко усмехнулся, и на его лице проступило выражение, от которого кровь стыла в жилах. — Не знаешь — не беда. Стоит лишь вернуть Нуэр к жизни, и когда мы ее исцелим, как думаешь, станет ли она утаивать правду?

Страх на дне глаз женщины не ускользнул от внимания Се Мо. Он выпрямился, а его безмятежный на вид голос прозвучал леденяще, с едва уловимым мрачным оттенком:

— Матушка, уж коли решила нести чушь, так притворяйся правдоподобнее. Твой хозяин разве

не предупреждал, что та маска — это чужое лицо? Глядя на твое, мне думается, оно бы тебе отлично подошло.

Се Мо окинул оценивающим взглядом морщинистое лицо женщины с желтоватой кожей, резкими складками и грубыми чертами. На кончиках его пальцев заплескала нить духовной энергии:

— Кожура эта в огне не горит. Как по-твоему, выдержит ли твоя рожица такое испытание?

В глазах женщины плеснулся абсолютный ужас:

— Вы, Секта Тяньпин, вы, так называемые праведники, как вы смеете убивать невинных?! — оговорка, сорвавшаяся с языка от испуга, заставила ее голос сорваться наизлет, а страх в глазах стал неподдельным.

— Праведники? Ты ведь только что упомянула Секту Тяньпин, верно? — Се Мо улыбнулся, но эта улыбка больше походила на оскал жнеца душ. — С чего вдруг тебе знать о Секте Тяньпин? Даже если слава моего старшего брата гремит по всему свету, с какой стати простой бабе из заброшенной глуши быть с ней знакомой?

— Может, всё же расскажешь, кто ты на самом деле? Небось, тяжело носить чужую шкуру на морде? Помочь тебе ее содрать? — с обворожительной улыбкой вещал Се Мо вещи, от которых волосы вставали дыбом.

С самого появления этой женщины, ее пленения и до слов о человеке в маске — всё шло так гладко, словно само шло им в руки по чьему-то заказу. Настороженность бабы в тот день еще стояла у них перед глазами, а теперь она не только растеряла всю бдительность, но и выдавала нужные сведения капля за каплей. При такой «готовности сотрудничать» Се Мо даже был готов помиловать ее.

Язычок пламени в комнате безмятежно колыбался от залетевшего в окно порыва ветра, верно и преданно охраняя свой крошечный уголок, пока Се Мо не поднялся с места, не подхватил подсвечник и неспешно не направился к «женщине»:

— Хочешь, я для начала проверю, горит ли твоя физиономия в огне?

Доста было мгновения — и ужас с лица «женщины» вмиг испарился, сменившись ледяной злобой и ненавистью!

— Желаете узнать, кто я? Мечтайте! — голос больше не принадлежал хриплой немолодой бабе; это был чистый, звонкий серебристый перелив юной девушки, ровесницы Нуэр!

Се Мо опустил подсвечник, пальцы обвилось сияние духовной силы, и он повел их вдоль кромки

уха «женщины». На глазах у изумленных зрителей слой за слоем стала отслаиваться маска, являя миру изящное, тонкое личико.

Вот только черты этого лица неопровержимо принадлежали мужчине!

Се Мо переглянулся с Лу Сяо. Они отчетливо слышали девичий голос, но черты лица не оставляли сомнений: перед ними стоял самый настоящий парень, причем на редкость смазливый.

Се Мо не стал ходить вокруг да около:

— Может, сперва поведает, ты мужчина или женщина? Или у тебя женское тело и мужское лицо? Лицо мужское, а голос девичий?

Пленник лишь свирепо зыркнул на него:

— А Мо-гунцзы из Секты Тяньпин — не более чем дешевка!

Се Мо наступил на больной мозоль: эта двуполовая природа вечно оставалась для него занозой в сердце.

Лицо Лу Сяо слегка посуровело:

— Кого это ты назвал дешевкой, мил человек?

— Ха-ха, — тот холодно усмехнулся. — Давно слышал, что глава Лу из Первой Секты Поднебесной падок на защиту своих людей, но сегодня вижу — слухи ни капли не врут.

На личике Се Мо промелькнула хищная ухмылка: сметь оскорблять его старшего брата — чистейшей воды самоубийство. Он уже собрал на ладони духовную силу, но следующие слова Лу Сяо вмиг развеяли ее, а на губах младшего вновь расцвела кроткая, словно весенний ветер, улыбка.

— И что с того? — отозвался Лу Сяо. — Какое тебе дело до того, как я защищаю своих?

— Ха, выгораживать демоническое создание — неужели тебе не страшно, что скажет весь мир? Вся твоя многовековая репутация пойдет прахом по твоей же воле...

Он не успел договорить: Лу Сяо взмахнул рукавом, нанеся тяжелый удар по воздуху. Человека вместе со стулом отбросило назад, он рухнул на пол, превратившись в жалкое зрелище.

— Прекрасно, прекрасно, прекрасно! — тот выплюнул трижды повторенное «прекрасно» с ядовитой насмешкой. — Глава Лу и впрямь вознамерился повязать свою судьбу с нечистью! Клянусь, пока я жив, весь мир узнает, насколько грязна ваша Секта Тяньпин —

Новая вспышка белого света — и на нежном хорошеньком лице проступили алые следы от удара, а из уголка рта сочилась кровь.

<http://bllate.org/book/22338/2340300>